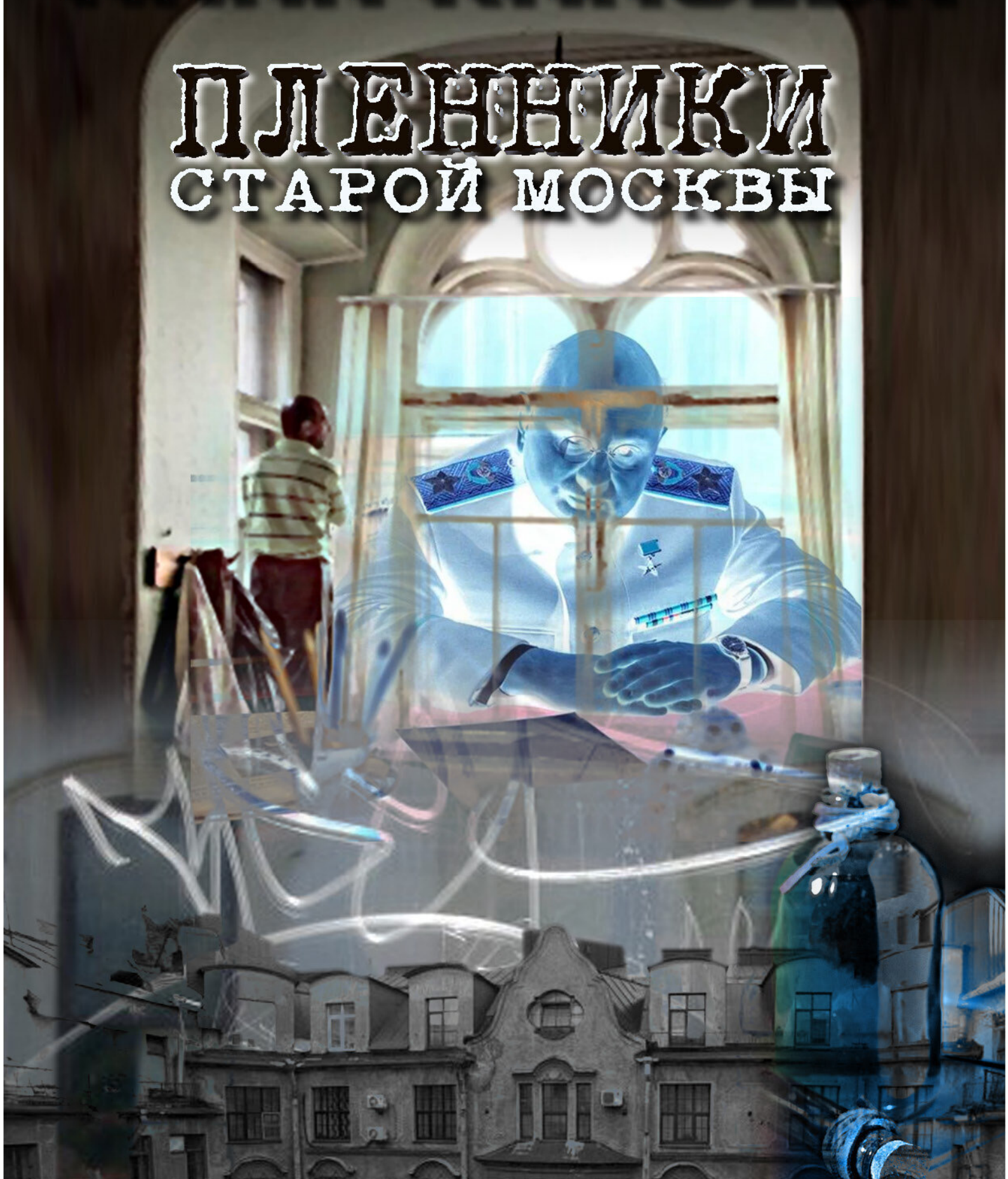

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

АННА КНЯЗЕВА

ПЛЕННИКИ СТАРОЙ МОСКВЫ

Анна Князева

Пленники старой Москвы

«Автор»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Князева А.

Пленники старой Москвы / А. Князева — «Автор», 2015

ISBN 978-5-699-84144-8

Эта квартира понравилась Катерине с первого взгляда. Большие комнаты, высокие потолки с лепниной, вид из окна в тихий двор... Настоящая старина – дом купца Щетникова был построен сто пятьдесят лет назад. После войны здесь располагались огромные коммуналки, но их давно расселили, и теперь это элитное жилье. Уговорив мужа сразу оформить сделку, Катерина с энтузиазмом занялась ремонтом. Но вскоре произошло невероятное – во время работы погибло сразу трое рабочих! Ни аварии, ни несчастного случая, просто сердечный приступ – у всех троих одновременно. Катерина не могла поверить в такое совпадение! С помощью старушки соседки она погрузилась в давнюю историю странной квартиры. И вскоре поняла: рабочие погибли вовсе не случайно, а ее саму ждет еще немало неприятных открытий...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-84144-8

© Князева А., 2015
© Автор, 2015

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	32
Глава 8	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Анна Князева

Пленники старой Москвы

© Князева А., 2015

* * *

Пролог

В дверь постучали. Одновременно с этим в квартире снизу раздался грохот, как будто упало что-то тяжелое. Лежавший на диване старик вскочил, подбежал к двери и, прижавшись к ней ухом, грозно спросил:

– Фамилия?!

Из-за двери послышался голос:

– Рябинин Яков Иванович, ваш участковый.

– Наш участковый – Карамышев! – крикнул старик, уверенный в том, что разоблачил злоумышленника.

– Его перевели. – сообщил строгий голос. – Теперь я ваш участковый. Мне нужен Зоткин Антон Максимович.

Старик спросил дрогнувшим голосом:

– Зачем?

– Заявление на соседей писали?

– Писал! – Зоткин молниеносно открыл дверь.

В прихожую шагнул грузный немолодой офицер в звании лейтенанта полиции. Старик включил свет. Участковый раскрыл папку и вытащил из нее листок, исписанный убористым почерком.

– Ваше творчество?

– Насмешки строите? – ошетинился Зоткин.

– Реагирую на поступивший сигнал. – Участковый вернул документ в папку, после чего сунул ее под мышку, снял фуражку и вытер платком лоб. – Жара...

– Долго же вы собирались, – заметил старик.

– Я на вашем участке – только второй день. – Рябинин безрадостно улыбнулся. – Думаете, вы один жалобы пишете?

– Я свою жалобу написал третьего дня. Если бы вы отреагировали раньше, мы бы смогли пресечь.

– Пресечь что? – не понял Яков Иванович.

– Разгром помещений.

– Граждане производят ремонт в собственной квартире. Что именно вы хотите пресечь? Зоткин ринулся к стене и ткнул пальцем в замшелую трещину.

– Вот!

– Намеряете на незаконную перепланировку?

– Именно! От их ремонта весь дом превратился в руины.

– Не нужно утрировать. Ваш дом сто пятьдесят лет простоял и еще столько же простоит. –

Участковый надел фуражку и вышел на лестничную площадку. – Идемте!

– Куда? – спросил Зоткин.

– К вашим соседям.

– Зачем?

– Будем проверять законность производимых работ.

Судя по скорости, с которой Зоткин выскочил из квартиры, фраза ему очень понравилась.

Они спустились на второй этаж и подошли к старинной крашеной двери.

Прислушавшись, участковый сказал:

– Тихо...

– Только что грохотали.

Рябинин вежливо постучал. Выждав минуту, он отступился.

– Нет никого.

– Говорю вам: десять минут назад там грохотали. Днем, покада работают, здесь не заперто... – Зоткин толкнул дверь, и она распахнулась.

В коридоре, как и во всей квартире, по-прежнему было тихо.

– Есть кто-нибудь?! – крикнул Рябинин, но ему никто не ответил.

Предупреждая неизбежный вопрос, старик поспешил сообщить:

– Рабочие никуда не уходят, обедают здесь.

Потоптавшись, участковый двинулся в глубь квартиры. Зоткин – за ним. Каждый их шаг сопровождался хрустом спрессованной пыли и ремонтного мусора.

Рябинин зло проворчал:

– Стены на месте. Следов перепланировки не вижу.

– Ломают. – Старик семенил рядом. – Я слышал – точно ломают.

Наконец они дошли до открытой двери, из которой, искрясь в солнечном свете, летела невесомая пыль.

Рябинин прошел дальше по коридору, а Зоткин сунулся в комнату.

– Идите сюда!

Рябинин обернулся:

– Что там?

– Идите, я вам говорю!

Участковый вбежал в комнату, едва не сбив с ног старика.

Паркетные полы в помещении были взломаны и свалены в дальнем углу. В провалах между лагами на почерневшей трухе лежали тела трех мужчин в запыленных спецовках. Голова одного была в крови. Двое других скрючились в неестественных позах.

– Как же так?.. – Старик прошел между лагами и схватился за сердце. – Я слышал... Они только что здесь работали.

Яков Иванович зашагал по упругим залежам мусора. Под ботинком захрустело стекло. Осмотрев тела, он достал телефон:

– Дежурный? Участковый Рябинин. Срочно присылайте наряд. Здесь – три трупа. – Назвав адрес, он посмотрел на Зоткина, распахнул настежь окно и сказал в трубку: – «Скорую» вызови.

Глава 1

Двумя неделями раньше

Красивая рыжеволосая женщина свернула с улицы и вошла через приземистую арку в замкнутый двор. Повела взглядом по окнам и остановила его на подъездной двери, возле которой стоял человек в строгом костюме.

Склонив голову, он категорично спросил:

– Катерина Ильинична?

– Здравствуйте. – Женщина протянула руку.

Ответив рукопожатием, он молча взглянул на часы.

– Простите за опоздание, – извинилась она. – Я не знаю Москвы.

– Ну, что ж... Пойдемте? – Мужчина открыл дверь, впустил ее в подъезд и тоже вошел.

У лестницы она обернулась:

– Этаж второй?

– Второй. Если вы успели заметить, всего этажей – три. Здание построено в тысяча восемьсот шестьдесят третьем году купцом Щетниковым. На первом этаже располагалась антикварная лавка. Семья жила наверху. После его смерти дом купила вдова статского советника Никуличева, чтобы сдавать его в наем. С тех пор он стал многоквартирным жилым домом. В советские времена на всех этажах были огромные коммуналки. – Поднимаясь за ней по лестнице, он спросил: – Насколько я понял, вы не москвичка?

– Я из Новосибирска.

– Решили поменять место жительства?

– Муж получил должность, пришлось переехать.

– Уверен, квартира вам подойдет. В комнатах с окнами во двор можно устроить спальню и детские.

– У нас нет детей.

Риелтор оглядел ее, словно оценивая, после чего удовлетворенно заметил:

– У вас еще все впереди.

«Эх, милый... – подумала Катерина. – Знал бы ты, сколько мне лет...»

Он остановился у двери, окрашенной коричневой краской, сунул ключ в скважину и энергично его провернул.

– Прошу вас...

Катерина зашла в коридор. В лицо пахнуло запахом слежавшейся пыли.

– Квартира много лет пустовала, – заметил риелтор.

– Почему? – спросила она.

– Этого я не знаю. – Он щелкнул выключателем.

Под потолком вспыхнула «лампочка Ильича».

– Лаконично, – Катерина усмехнулась и вошла в первую комнату, окна которой выходили на улицу.

– Шумновато... – заволновался риелтор. – Что поделать, центр города. Таких комнат только две. Окна остальных выходят во двор.

– Сколько их всего? – вернувшись в коридор, она двинулась дальше.

– Комнат? Шесть. Но раньше было девять.

– Куда делись остальные?

– В начале пятидесятых из одной квартиры сделали две.

Когда Катерина зашла в кухню, у нее вырвалось:

– Ого!

Риелтор с довольным видом оглядел просторное помещение.

– Говорю вам: квартира очень быстро уйдет.

Пропустив мимо ушей его замечание, она поочередно подошла к каждому из трех окон.

Риелтор счел своим долгом ее сориентировать:

– Два на улицу, одно смотрит во двор.

– Вижу.

– Такую кухню встретишь нечасто.

– Сколько в ней метров?

– Около тридцати. – Он расстегнул портфель. – Сейчас уточню...

– Не трудитесь, – остановила его Катерина. – Метром больше, метром меньше – для меня несущественно.

– А что существенно?

Она стояла на месте, оглядывая окна, стены и дверь.

– Ощущения.

– Что вы имеете в виду?

– Смогу ли я жить в этих стенах.

Риелтор обходительно улыбнулся:

– Знаете, десять из десяти покупателей говорят о цене. И только потом – о своих ощущениях.

Катерина прошла в комнату, окна которой выходили во двор.

– О цене будете говорить с моим мужем... – она вдруг замолчала и осведомилась, глядя на дверь: – Как думаете, зачем здесь замок?

– Где? – прищурившись, риелтор склонился. – Ах, это! Здесь же коммуналка была.

– Но скважина только со стороны коридора.

– Возможно, в советские времена люди больше доверяли друг другу и запирали комнаты лишь тогда, когда уходили. – Сочтя предположение утопическим, он рассмеялся. – Глупость, конечно... Мы остановились на том, что о цене я должен говорить с вашим мужем.

– В том случае, если мне подойдет эта квартира. – Катерина открыла оконную раму и, перегнувшись через подоконник, оглядела замкнутый двор.

На слепой, без окон, противоположной стене был нарисован кот. Под ним, на бугристом асфальте, чирикающая, прыгали воробьи. Издалека долетел плач грудного ребенка. Катерина закрыла окно. Ей вдруг показалось, что все это она уже видела.

– Ни одного деревца...

– Как я понимаю, квартира вам не подходит... – огорчился риелтор.

– Этого я не сказала.

– Вы забыли посмотреть санузел.

– В них есть что-то особенное?

– Они раздельные.

– Это не новость.

– В конце коридора есть кладовая.

– Очень хорошо. – Закончив обход, Катерина вернулась к входной двери и задержалась там, словно прощаясь.

– Значит, квартира вам не понравилась... – риелтор тронул дверную ручку.

– Я ее покупаю. – Катерина протянула визитную карточку. – Здесь телефон мужа. Завтра после одиннадцати позвоните ему.

Глава 2

Все о чете Трубниковых

Герман Андреевич Трубников возвратился в гостиничный номер в шесть часов вечера. Он разделся, повесил костюм в шифоньер, сорочку и белье положил в пакет для отправки в прачечную. Потом зашел в ванную, где принял горячий душ и побрился.

К семи часам он был одет в новый костюм и уже ходил по комнатам люкса, поглядывая на дорогие часы, которые тоже сменил. На работу Трубников носил другие, немного дешевле.

Высокий, плотный, темноволосый, он выглядел старше своих сорока пяти, что нисколько его не беспокоило. Выглаженный костюм, чистая сорочка, хорошие галстук и часы – все, что было нужно для работы, а значит, для жизни. Ну, может быть, еще дорогие ботинки. Когда переезжали в Москву, помимо шести костюмов, которые упаковала жена, он взял с собой десять коробок с обувью. Катерина мирилась с этим его пунктиком, как и с другими, не столь безобидными.

Легкое жужжание, шелчок – сработал электронный замок. Хлопнула дверь.

– Кать, это ты? – он закинул голову и так замер в кресле, ожидая ответа жены.

– Я, – в комнату вошла Катерина. – Что случилось?

– Ничего.

– Почему так рано вернулся? – она сняла туфли и прошла в спальню.

– Нас пригласили на ужин.

– А я смотрю, куда-то собрался...

Герман встал с кресла, взял пиджак, который висел на спинке, и накинул его на плечо.

– Жду тебя внизу, возле бара. На сборы – тридцать минут.

– Кто пригласил?

– Балашов.

Полураздетая Катерина высунулась из дверного проема:

– Президент компании? Нужно предупреждать...

– Я сам узнал только сегодня.

– По крайней мере, мог позвонить.

– Звонил.

– Тогда почему я не слышала?

– Потому что у тебя отключен телефон.

– Черт... – Катерина недовольно поморщилась. – Опять разрядился.

– Все просто – перед сном ставь его на зарядку.

– Сегодня поставлю. – Она скрылась в спальне и уже оттуда сказала: – Буду готова через тридцать минут.

– Я – в баре, – напомнил Герман Андреевич и вышел из номера.

Через полчаса они встретились в лобби. Трубников бросил купюру на барную стойку и отставил недопитый стакан с виски. Взяв Катерину под руку, тихо заметил:

– Красивое платье, надевай его чаще... – Это был единственный комплимент, который он знал.

Они вышли через стеклянную дверь на пяточок перед отелем. Там их ждал служебный автомобиль. Трубников сам открыл заднюю дверцу, подождал, пока жена подберет подол длинного платья, и сел рядом с ней.

– В ресторан «Мартини». У нас двадцать минут.

– Успеем, Герман Андреевич, – водитель тронулся с места.

Машина пересекла неширокую улочку и вырвалась на простор Садового кольца.

– У меня есть одна просьба... – Герман заговорил тише, так, чтобы его могла слышать только жена.

– Слушаю, – ответила Катерина.

– Балашов будет с женой...

– Нетрудно догадаться.

– Должен заметить, дама не совсем в адеквате.

– В чем это выражается?

– Точно не знаю. Так говорят.

– Кто говорит?

– Многие. Например, второй вице-президент, наш хороший знакомый.

– Картавин? – она заинтересованно придвинулась к мужу. – И как он пережил твоё назначение?

– Смирился. – Герман Андреевич в задумчивости потянул себя за нос. – Целая неделя прошла. Смирился...

Катерина взяла его руку и отвела в сторону.

– Глупая привычка, – сказала она мягким, рекомендующим тоном. – Ты – первый вице-президент крупной компании. Выглядит несолидно.

– У меня к тебе просьба...

– Я уже поняла. Какая?

– Тебе нужно с ней подружиться.

– С Балашовой?

– Её зовут Люсьена Сапега. Балашов зовёт Люсей.

– Все это рассказал твой заместитель?

– Картавин – второй вице-президент.

– По сути, он твой заместитель. – Катерина неодобрительно усмехнулась.

– Тебе нужно завести с Люсьеной добрые отношения.

Она машинально поправила платье и спокойно взглянула на мужа.

– Это поможет тебе в работе?

– Без сомнения. – Герман Андреевич тронул себя за нос, но тут же отдернул руку.

– Тогда мы станем подругами.

Пару минут они ехали молча. Определив нужный момент, Катерина сказала:

– У меня тоже есть одна просьба.

– Говори.

– Сегодня я смотрела квартиру...

– Из того списка, что дал Балашов?

– Разумеется.

– И как?

– Она мне понравилась.

– Хочешь её купить?

– Да. Я точно решила.

– Ну, что ж... – Герман взглянул на часы, потом в окно. – Надеюсь, ты не слишком торопишься.

– Изю всех, что я посмотрела, эта самая лучшая. Завтра после одиннадцати тебе позвонит риелтор.

– Хорошо. Завтра же отправлю к нему юриста.

Катерина тронула мужа за руку.

– Попроси оформить как можно быстрее.

– Это имеет смысл? – Трубников удивился.

– Хочу заняться ремонтом.

– Просто найми архитектора.

– Попробую все сделать сама.

Герман удивленно на нее посмотрел:

– Зачем? Впрочем, как знаешь.

– В этой квартире у нас начнется новая жизнь, – Катерина произнесла эту фразу с какой-то особенной внутренней убежденностью.

Трубников опять взглянул на жену и сдержанно похлопал ее по коленке.

– Герман Андреевич, ресторан «Мартини». Доехали за двадцать минут. – Водитель вышел из машины, обогнул ее и открыл заднюю дверцу.

Метрдотель повел чету Трубниковых к столику, за которым сидели двое: мужчина подростковой комплекции и миниатюрная женщина с веснушчатым лицом и злыми глазками-пуговками. Рядом стоял официант и еще один служащий, судя по темному костюму – администратор.

Катерина задержалась в нескольких шагах от стола. Герман удивленно взглянул на нее и тоже остановился.

– Мой муж битый час клянчил меню! – громко сказала женщина.

Ее напор был сокрушительным.

– Прошу прощения, – ответил молодой официант. – Вы пришли четыре минуты назад, и я немедленно принес вам меню.

– Не смей мне хамить! – она схватила вилку и запустила ею в официанта. – Мы полчаса топтались у входа, дожидаясь, пока нас заметят!

Увернувшись, официант поднял вилку и опустил ее в карман своего фартука.

– Мы все исправим, Люсьена Степановна, – пообещал мужчина в темном костюме. Было видно, что подобную сцену, как и ее исполнительницу, он наблюдал не впервые.

– В последний раз мы с Пашей пришли в этот гадюшник! Закройте вас к чертовой матери, если не умеете обслуживать приличных людей!

– Что еще, Люсьена Степановна?

– Да это заговор какой-то! – со слезой в голосе крикнула она и тут же зло прошипела: – Вон отсюда пошли!

Ее муж между тем углубленно изучал перечень блюд. Подняв на мгновение глаза и заметив Трубниковых, он отложил меню, встал и протянул руку Герману. Тот пожал ее и представил свою жену:

– Катерина.

– Павел Петрович, – Балашов приветливо улыбнулся.

Катерина с любопытством перевела взгляд на его супругу. Та смотрела перед собой оловянными, ничего не выражающими глазами.

Все замолчали. У Катерины не было ни одной идеи для того, чтобы выйти из неловкого положения. Такая идея появилась у самой Люсьены Сапеги. Выдержав паузу, которая, по ее мнению, умерила нанесенное оскорбление, она сморщила в улыбке рыжее, веснушчатое лицо.

– Присаживайтесь, мы вас давно поджидаем. Паша не выдержал и велел принести меню. Так что не *обессуйте*, вы сами во всем виноваты.

Катерина и Герман разом переглянулись, потом, одновременно потупились, «осознавая» свою вину. После этого они сели за стол.

– Моя жена Люся. – Балашов запоздало представил супругу.

Она уточнила:

– Люсьена.

Трубниковы поочередно сказали:

– Герман Андреевич...

– Катерина.

– Делаем заказ? – взыскательно спросила Сапега.

Все поспешили с ней согласиться.

К столу мгновенно подошел официант. Не успев изучить меню, Трубниковы сделали заказ, следуя только его рекомендациям.

Павел Петрович дотошно выпросил официанта о степени диетичности выбранных блюд, несколько раз менял предпочтения и наконец заказал отварной картофель, посыпанный зеленью.

Люсьена спустила с бедного парня семь шкур. Ни одно из выбранных блюд не соответствовало ее изощренному вкусу. Когда Сапега определилась с заказом, официант быстро бежал на кухню.

Метнув на мужа сердитый взгляд, Люсьена заметила:

– Ты выбрал эту помойку...

Балашов бросил на стол меню.

– Какая разница? Ресторан как ресторан.

– В субботу мы с Германом были в «Трабанте». – Тактично вступила в разговор Катерина. – У них превосходная кухня.

– О чем вы говорите?! – возмутилась Сапега.

– Что такое? – Катерина не поняла.

Люсьена продолжила:

– Это не ресторан, это мой самый страшный сон! Персонал – сборище подзаборников. Нам с Пашей подали помои, и я запретила ему оплачивать счет.

Трубников устался в пустой подтарельник, не зная как реагировать. К счастью, Балашов заговорил с ним о работе, и они стали беседовать, перескакивая с одного на другое.

Катерина поняла, что весь груз общения с Сапегой пал на нее, но не могла избавиться от возникшей неловкости.

Официант принес спиртное, хлеб и закуски, расставил тарелки, открыл бутылку вина и разлил его по бокалам. Но как только стал уходить, Люсьена задержала его:

– Минуту! – она указала пальцем на тарелку и спросила: – Что это?

– Овощной салат «Примавера». Вы его заказали. – Молодой человек побледнел от нестерпимого напряжения.

– Вас не учили ставить тарелки?

Официант побледнел еще больше и, казалось, не понимал, о чем идет речь.

Люсьена Сапега продолжила:

– Тарелка должна стоять строго посередине, напротив меня.

– Она так и стоит.

– Тарелка отклонилась влево на пять сантиметров. Переставьте.

Официант переставил.

Сапега сказала:

– Со счетом принесите номер телефона хозяина. Я позабочусь, чтобы вас отсюда уволили.

Балашов поднял свой бокал.

– Предлагаю выпить за наше знакомство. – Чокнувшись поочередно со всеми и проследив за тем, как остальные пьют вино, сам едва пригубил.

Мужчины снова заговорили о работе. Катерина попыталась объединить общение, но по тому, как старательно они уклонились, поняла: никто, кроме нее, не собирался общаться с Сапегой.

Люсьена спросила:

– У вас есть дети?

Катерина вскинула голову, как от удара хлыстом.

– Почему вы об этом спросили?

– Потому что знаю.

– Знаете что?

– Все.

– Я не понимаю.

– Никаких детей у вас нет. – Люсьена сморщила приплюснутый носик. – Не злитесь. Я тоже бездетная, к тому же постарше вас. Мне вообще рассчитывать не на что. Кстати, сколько вам лет?

Взглянув с отчуждением, Катерина сухо ответила:

– Мне сорок четыре.

– В самом деле? – Сапега откинулась назад, словно определяя ее цену. – Никогда бы не дала вам больше тридцати девяти. Знаете, мне кажется, вам не идут рыжие волосы. Это вульгарно. Срочно меняйте цвет. – Она взяла вилку и стала есть свой салат.

Вскоре последовал еще один тост, после которого наконец возникла общая тема. Балашов спросил Трубникова о квартире.

– Катерина уже выбрала, – сказал Герман Андреевич. – Завтра наш юрист начнет оформление. – Он с улыбкой взглянул на президента компании. – Спасибо за помощь, Павел Петрович.

– Я только распорядился, чтобы вам помогли. Квартиры подобрали в хоздепартаменте. Приезжему человеку сложно решать такие вопросы в столице.

В разговор вмешалась Люсьена.

– Кстати, есть архитектор, который не откажется заняться вашим ремонтом. Не бог весть какой, но вам – сгодится.

Перехватив предупреждающий взгляд Катерины, Трубников все же ответил:

– Было бы кстати...

– Где находится ваша квартира?

– На Мясницкой.

– В хорошем месте, – сказал Балашов.

– Хорошо, что вы так быстро определились с жильем. – Сапега взяла зубочистку и сталаковыряться в зубах. – По крайней мере, теперь Паше не придется платить за вашу гостиницу.

На это замечание уже никто не стал реагировать. Все молча уткнулись в свои тарелки.

Вторую перемену блюд принес администратор в темном костюме. Официант, который в начале ужина обслуживал стол, больше не появился. Но это не остановило Люсьену Сапегу. Как и обещала, она позвонила хозяину ресторана и начала с ним громко ругаться. На время их разговора Катерина ушла в туалет. Когда вернулась, счет был оплачен, и ее ждали, чтобы уйти.

У входной двери ресторана выстроился весь персонал. Люсьена Сапега прошла мимо них первой. Теперь Катерина рассмотрела, как она была сложена: маленький рост, длинное тело, низкая попка и ножки-бутылочки. В совокупности с детской головкой, простецким веснушчатым лицом и вдавленным носом Люсьена походила на уставшую прачку, которую смазали кремом, причесали и оросили духами.

Для Трубниковых путь к выходу показался совершенной Голгофой. Выйдя на улицу, они потратили на разговоры и прощание с Сапегой и Балашовым тридцать минут.

Усаживаясь в машину, Сапега сказала:

– Надеюсь, мы с вами будем дружить. Не *обессуйте*, если что-то не так.

Лимузин Балашова отъехал, Катерина в ужасе прошептала:

– «Не обессуйте»... Когда она выдала это в первый раз, я решила, мне показалось.

– И это не самое страшное, – пробормотал Трубников. – Краем уха я слышал ваш разговор. Удивляюсь твоей выдержке!

– Был момент, когда я была готова ее ударить.

- Спасибо, что не ударила.
- Я же пообещала тебе с ней подружиться.
- Еще раз спасибо! Завтра скажу юристу, чтобы квартиру оформили как можно быстрее.

Глава 3

Начало

Трубников сдержал свое обещание и через два дня вручил Катерине ключи от квартиры. Ее покупку они отметили в ресторане.

– Не хочешь сам посмотреть? – спросила Катерина.

– Зачем?

– Затем, что будешь там жить.

– Сначала сделай ремонт.

– Сделаю. Но тогда это будет уже другая квартира, и ты не оценишь моих талантов.

– Посмотрю, когда переедем. Кстати, – Герман достал из бумажника визитную карточку. – Вот архитектор, которого порекомендовал Балашов.

Катерина взяла визитку и покрутила в руках.

– Ну и зачем?

– Ремонт – дело хлопотное, – продолжил Трубников. – Предположим, обои ты выберешь, подушки на диваны купишь, шторы пошьешь... А кто будет смотреть за рабочими?

Поразмыслив, Катерина решила нанять архитектора и в тот же день ему позвонила, назначив встречу в новой квартире. Он пообещал ее познакомить с надежным прорабом.

В тот день, когда была назначена встреча, в Москве окончательно установилась жара. В воздухе стояла духота, пахло пылью и горячим асфальтом. Катерина с удовольствием нырнула в прохладную тень двора. Нарисованный кот проводил ее взглядом до подъездной двери. Войдя в коридор, она прошла к лестнице.

Навстречу ей спускалась старая женщина в легком платье и кружевной шляпке. Ее наряд выглядел довольно изысканно. Неожиданно для себя Катерина с ней поздоровалась.

Старушка остановилась и замерла, как будто сияясь ее вспомнить. Катерина представилась:

– Я ваша новая соседка.

– Квартира номер девять? – Старушка одобрительно улыбнулась. – Очень рада. Меня зовут Инна Михайловна.

– Меня – Катерина.

– А я живу в десятой квартире, – сообщила Инна Михайловна. – Милости прошу, заходите.

– Спасибо!

– Когда переезжаете?

– Как только закончим ремонт.

– Вы уже начали? – осведомилась старуха.

– На днях начинаем.

Катерина поднялась на второй этаж, подошла к своей двери, которая, как ей показалось, сохранилась со времен строительства дома.

«Нужно отстранировать», – подумала она, отомкнула дверь и вошла в квартиру.

Протянув руку, чтобы включить свет, передумала. Постояла в темноте, затем прошла в комнату, открыла окно и села на подоконник. Оглядев двор, заметила двоих мужчин, входящих в подъезд. Катерина соскочила с подоконника и побежала к двери.

Первым в квартиру вошел невысокий мужчина лет тридцати в футболке и джинсах.

– Виктор Тищенко, архитектор.

Второй, такой же невысокий, в спецовке, стал оглядывать стены и между делом представился:

– Исаев Олег. Прораб.

Катерина включила свет. Тищенко предложил:

– Давайте осмотрим квартиру. Пока Олег делает замеры, мы с вами обсудим условия договора, и вы расскажете мне свои пожелания.

– Условия договора обсудите с мужем, – сказала Катерина. – Со мной – только дизайн.

– Тогда идемте смотреть.

Они переходили из комнаты в комнату. Казалось, Тищенко не слишком себя утруждал. Исаев, напротив, что-то измерял, щупал, осматривал. Потом наконец сказал:

– Никакой перепланировки здесь не получится. Все стены в этой квартире – несущие.

Тищенко подошел к стене и похлопал по ней рукой.

– Неужели?

– Все до единой.

– Мне не нужна перепланировка. Я ничего не хочу здесь менять, – заметила Катерина.

– Вот и хорошо, – сказал архитектор и посмотрел на ее руки. – План квартиры у вас с собой?

– У мужа.

– Значит, все, что касается документов, обсуждать только с ним?

В этот момент из коридора послышался голос прораба.

– Идите сюда!

Катерина и Тищенко пошли на его голос.

– Смотрите, – Исаев показал на дверь соседней комнаты. – Здесь был засов.

Приглядевшись, Катерина увидела замазанный краской прямоугольник с дырками от шурупов.

– В соседней двери точно такой же.

– Здесь была коммуналка, – Катерина повторила слова риелтора.

– Тогда почему засов со стороны коридора?

– Этого я не знаю. С замками та же история, закрываются ключом только снаружи. –

Она решила обсудить то, что по-настоящему ее волновало. – Вам не кажется, что здесь чем-то пахнет?

– Запах? – переспросил прораб. – А что вы хотите? Дом старый. В таких домах необходимо вскрывать полы и все вычищать.

– Что вычищать?

– Если коротко, – Тищенко решил сам все объяснить, – это особенность старых домов. В Питере, например, та же история. Там в блокаду, зимой канализация не работала. Случалось, истощенные люди вырезали дырки в полах и справляли туда нужду.

Катерина пожала плечами.

– В Москве блокады не было.

– Зато была революция. В те годы канализация не работала. В барские и купеческие квартиры вселялись люмпены, которые без зазрения совести гадили в подпол, а не в ведро, которое нужно выносить во двор.

– Тогда будем вскрывать, – она согласилась.

– По-любому, – кивнул Исаев. – С этого и начнем, поскольку перепланировки не будет.

– Подпишем договор, тогда начинай. – Тищенко пригласил Катерину вернуться в комнату. – Давайте поговорим о дизайне. Если мы друг друга поймем, через неделю привезу готовый проект. Кстати... – он поднял глаза и осмотрел потолок. – Как насчет потолочной лепнины? Будем сохранять или сбиваем? Если реставрировать – это намного дороже.

– Сохранять, – сказала Катерина. – Всю – сохранять. И еще: входную дверь хотелось бы реставрировать.

– Зачем вам такая рухлядь?

– Она – неотъемлемая часть этого дома. Мне бы не хотелось, чтобы квартира утратила душу.

Тищенко улыбнулся.

– И здесь я с вами согласен. Хотя вот что для меня удивительно... – Он выглянул из окна, потом посмотрел на нее. – Как может понравиться этот двор? Простите, что говорю вам об этом, в Москве за те же деньги есть варианты получше.

Катерина тоже посмотрела в окно, потом объяснила:

– Мои родители были военными, и мы часто переезжали из города в город. Самый счастливый кусок моего детства прошел в питерской коммуналке. Наши окна выходили в такой же двор.

– Понимаю... – Тищенко на мгновение задумался. – Что ж, приступим к работе?

Обсуждение предстоящего ремонта прошло при абсолютном и взаимном понимании. Катерина точно знала, чего хотела, Тищенко все улавливал на лету. На подоконнике собралась небольшая стопка эскизов, которые он мастерски сделал в ходе беседы. Катерина внимательно их просмотрела и, кажется, осталась довольна.

Когда все было закончено, архитектор взял номер телефона Германа Трубникова.

– Прошу не затягивать и позвонить ему завтра, – сказала Катерина и поинтересовалась: – Когда начнете работать?

Прораб остановился в прихожей.

– Я могу хоть завтра начать. Свободная бригада есть и сейчас.

– Сначала договор, а потом работа, – напомнил им архитектор.

– И все-таки прошу, начните быстрее!

– Обещаю: на следующий день после подписания договора начнем ваш ремонт.

Мужчины попрощались и вышли. Собираясь закрыть дверь, Катерина увидела, что из соседней квартиры на нее смотрит Инна Михайловна.

– Простите, могу я к вам заглянуть?

– Прошу вас, – Катерина отступила в прихожую. – Буду рада. Только вот угостить ничем не смогу.

– Насчет угощения не волнуйтесь. Чай попьем у меня... – Инна Михайловна торопливо зашла в квартиру и словно в изнеможении застыла. – Боже мой... Боже мой!

– Что такое?

– Вы просто не представляете! – с чувством сказала старуха. – Я не была здесь целую вечность!

Не зная, что на это ответить, Катерина решила дожидаться, пока Инна Михайловна снова заговорит.

– В пятьдесят втором году квартиру перегородили стеной, и нашей семье отдали три комнаты в противоположном крыле. Получилась полноценная двухкомнатная квартира. Из третьей комнаты отец оборудовал кухню и санузел. Но в этой части квартиры я не была с тех самых пор. По этому коридору я бегала маленькой. – Инна Михайловна показала на ближайшую дверь: – А здесь жила абажурщица Александра Филипповна... – Она тихо и печально спросила: – Позвольте мне дальше пройти?

Катерина ответила:

– Пожалуйста, проходите!

Старуха вошла в комнату, оглядела стены и вновь повторила:

– Боже мой... Боже мой... – Она говорила четко, кругленько, широко разевая рот, как будто через непрошенный смех или зевоту. – Как часто я сюда забегала! И как же интересно здесь было!

– А куда же делись остальные жилыцы этой квартиры? – спросила Катерина.

– Они получили другое жилье в разных районах Москвы.

– Кому досталась эта часть коммуналки?

– Недолгое время здесь располагалась контора. Потом въехала семья дипломата. Но мы их не видели, они жили и работали за границей. Ну а в последние годы сюда вообще никто не заглядывал. Не помню, чтобы дверь квартиры хоть раз открывалась.

– Значит, вы не бывали в этой части квартиры с пятьдесят второго года?

– Представьте, каково мне снова здесь оказаться, – растроганно прошептала старуха. – Когда мы вселились сюда, мне было пять лет. – Она подняла руку и провела по щеке.

Катерина сказала:

– Я очень вас понимаю...

– Знаете, – старуха доверчиво подняла глаза. – Теперь я каждый день вспоминаю свое детство. Кажется, это было самое сладкое, самое хорошее время. По ночам думаю: хоть бы одним глазком заглянуть. Хоть бы раз побывать там. Увидеть нашу комнату, маму, отца, себя маленькую... – Инна Михайловна вытерла слезы. – Какое доброе, хорошее было время! Какие люди меня окружали! И как жаль, что все это прошло!

– В моей жизни было нечто похожее. Мы жили в Ленинграде, то есть в Санкт-Петербурге...

– Для меня этот город навсегда останется Ленинградом, – вставила Инна Михайловна.

– Мне тогда не нравилось занимать очередь в ванную. А в туалет вообще невозможно было попасть. – Катерина вдруг улыбнулась. – Хотя в чем-то вы правы, времена были хорошие.

– Детство... – Инна Михайловна по-дружески взяла Катерину под руку. – Идемте ко мне. Чаю попьем, угощу клубничным вареньем.

Десятая квартира была намного меньше девятой, но Катерину поразили чистота и какой-то особенный, девичий уют ее комнат, строгость кухни, где стоял старинный буфет, а стены от пола до потолка покрывал белый нарядный кафель.

Они сели за стол с настоящей льняной скатертью, где на деревянном кружке стоял медный чайник. Старуха налила в него воду и поставила на газовую конфорку.

Катерина спросила:

– Скажите, а для чего на дверях комнат со стороны коридора были засовы?

– Засовы? – удивилась Инна Михайловна. – Этого я не помню. Возможно, не обращала внимания. Где именно?

– Например, на первой двери справа.

– Там проживала семья известного кардиолога, профессора Леонтия Яковлевича Белоцерковского. – Старуха поставила на стол две тонкостенные чашки костяного фарфора. – Мне так давно хотелось об этом повспоминать. Да не с кем было поговорить. – Она спохватилась: – Я не задерживаю вас? Вам никуда не надо идти?

– У меня много времени, – успокоила ее Катерина.

– И вы будете слушать бредни полоумной старухи? – улыбнулась Инна Михайловна.

Она надолго задумалась, уставившись на дребезжащую крышечку закипевшего чайника.

Глава 4

Инна Михайловна рассказывает

Я помню зимний солнечный день, когда приехал отец.

Наш двор был завален сугробами: таким белым снегом, что до боли в глазах. Мы с мамой шли по тропинке среди высоких сугробов, а навстречу к нам бежал мой отец. Высокий, стройный, в шинели, схваченной ремнем портупей. Мы не виделись больше года. Шла война, он служил во внутренних войсках и был комендантом Подольска.

Папа взял меня на руки, обнял и крепко поцеловал маму. По дороге домой она рассказала, что наш дом разбомбили, мы переехали в соседнее здание и заняли свободную комнату, хозяева которой были в эвакуации. Два месяца назад они возвратились, и весь наш скарб, включая диван с двумя откидными тумбами, вынесли из квартиры.

– Теперь мы живем в подъезде под лестницей, – сказала мама, как будто в этом не было ничего, о чем стоило беспокоиться.

Мне никогда не забыть отцовское лицо, когда он увидел наш угол под лестницей: диван и ржавую печь, которую топили дровами из досок. Их, кстати, было трудно найти. За войну в Москве сожгли все заборы.

Мама хотела согреть чаю, но отец ушел и вернулся только под вечер. Тогда я впервые услышала слово «ордер». Потом мама рассказывала, что папа явился в комендатуру и потребовал, чтобы его семье дали жилье.

Наш диван погрузили в машину, меня с мамой посадили в кабину, и мы поехали по заснеженным московским улицам. Полуразрушенные, разбитые бомбежкой здания в сумерках казались могильными памятниками. Над крышами уцелевших домов вились дымки. Их вместе со снегом сдувало с крыш порывистым ветром.

Скоро мы приехали на Мясницкую. Отец забрал меня из кабины и понес к подъезду. Помню, как резко взвизгнула разбухшая дверь, и мы втроем, вместе с мамой, вошли в парадное. На лестнице была темнота.

Когда поднялись на второй этаж, отец позвонил в дверь. Нам открыли, и мы оказались в длинном коридоре с тускло горящей лампочкой. Там пахло нафталином, непросохшей одеждой и калошной резиной. Все без исключения двери были открыты. Коридор уходил в противоположный конец квартиры, откуда доносился прогорклый запах жареной рыбы. Еще оттуда пахло газом и хозяйственным мылом. Там была кухня.

Мы двинулись по коридору. Кухня была большой, как мне тогда показалось, размером с два школьных класса. По одной стене стояли четыре газовые плиты. По другой – столы. В одном углу сушилось белье, в другом были две чугунные раковины с торчащими из стены водопроводными кранами.

На кухне хлопотали одни только старухи. Все – седые, чистенькие, в белых кофтах, темных юбках и трикотажных жакетах. Отставив шкворчащие сковородки и кипящие чайники, они окружили нас и стали расспрашивать.

– Новые жильцы?

– По ордеру?

– В дальнюю комнату?

Отец показал ордер и спросил, где находится эта самая комната. Ему указали. Пока мы шли по коридору обратно, за нами, шаркая, бежала старушка и что-то неразборчиво лопотала.

Для себя я сразу же назвала ее Белой Бабушкой, потому что у нее были седые волосы с прической «под полечку», а на плечах лежала белая шаль.

Она все бежала за нами и что-то лопотала, лопотала...

Когда мы дошли до комнаты, нам удалось понять, что она проживала здесь со своей компаньонкой, на которую был оформлен ордер, но та умерла.

– Мне некуда идти... Другого жилья у меня нет... – Сказав это, Белая Бабушка заплакала, уткнувшись в концы своей белоснежной шали.

Мама развернула ее к себе и строго сказала:

– Мы с дочерью два месяца жили в подъезде под лестницей. Неужели вы думаете, что я выгоню на улицу пожилого человека?

Отец в тот же день уехал в Подольск, а Белая Бабушка стала жить с нами в нашей двенадцатиметровой комнате. Она спала на своей кровати, а мы с мамой – на диване с откидными круглыми тумбами. По вечерам Белая Бабушка подолгу сидела на стуле и смотрела в окно.

Однажды я спросила у мамы:

– Что она делает?

Мама ответила:

– Наверное, молится.

С тех пор я знаю, что молиться можно даже так, глядя в окно.

Постепенно мы с мамой перезнакомились со всеми обитателями нашей квартиры и узнали от них много интересных историй. Днем двери комнат были открыты, все жили одной общей жизнью.

Самую большую комнату, слева от входа, занимал известный кардиолог, профессор Леонтий Яковлевич Белоцерковский. Ему и его жене Серафиме Васильевне принадлежала еще одна, смежная комната.

В следующей комнате, дальше по коридору, проживала семья их дочери, Нины Леонтьевны. Она тоже была кардиологом и работала вместе с отцом. Ее муж Владимир Сергеевич Ротенберг служил зубным техником. Это были тихие интеллигентные люди, которые говорили между собой то по-русски, то по-французски.

К слову сказать, французским языком владели не только они. Две комнаты напротив, в нашем ряду, принадлежали старушкам, бывшим медсестрам Софье Васильевне и Елизавете Петровне. Они когда-то работали с профессором, но к тому времени уже вышли на пенсию. Елизавета Петровна рассказывала, что служила медсестрой у Антона Павловича Чехова. Такие разговоры возникали часто и были всем интересны. Софья Васильевна не имела и доли подобных заслуг, но зато она была родной сестрой Серафимы Васильевны, жены профессора Белоцерковского.

Когда я заходила к кому-то из них в комнату, мне говорили:

– Инночка пришла с *la roupée*¹.

С этой *la roupée* охотнее всего я заходила в комнату к бывшей санитарке профессора Александре Филипповне, еще одной жительнице нашей большой квартиры. Александра Филипповна была абажурщицей. На пенсии она стала шить абжуры. В ее комодке хранились куски нежнейшей шелковой ткани, кружев, лент и бахромы. Их обрезки доставались мне для игры в лоскутки.

Все эти милые бабушки, включая профессорскую жену Серафиму Васильевну, никогда не выходили на кухню в халатах, а только хорошо причесанными и прибранными. Драгоценностей никто из них не носил, потому что все жили бедно.

Правда, через много лет я узнала: это было не совсем так...

Одну из девяти комнат нашей квартиры занимали мы с мамой и Белой Бабушкой, которую на самом деле звали Еленой Викторовной. Еще одну – Фаина Евгеньевна Глейзер. Она служила в какой-то скучной конторе и сама по себе была мало чем примечательна. Другое дело –

¹ С куклой (*франц.*).

ее дочь с красивым именем Лиля. Она и сама была словно цветок – тонкая, прозрачная, нежная и очень красивая. Лиля была студенткой.

В последней, девятой комнате у кухни, жил бывший генерал царской армии Михаил Георгиевич Еремин. Он был крепким, лысым, ходил по квартире в высоких сапогах и во френче. Я ни разу не видела его в пижаме или в штатской одежде. Зато его жена, бывшая барыня Вера Михайловна, носила роскошный шелковый халат, из-под которого виднелось жабо ее кружевной кофточки. Они были бедны как церковные мыши. И если бы их не подкармливал прославленный агроном-биолог с третьего этажа, они бы умерли с голоду.

Конечно, жильцы нашей квартиры делились друг с другом продуктами. И когда к нам из Подольска приезжал папа и привозил мешочек муки, мама пекла пироги и всех угощала. Одна барыня-генеральша держала фасон. Теперь я понимаю: самым страшным для нее было поступиться своей гордостью.

Вот я и рассказала обо всех, кто жил в нашей квартире, и словно окунулась в то время. Что касается засовов на дверях, этого не помню. Двери постоянно были открыты. А ведь засовы, как вы сказали, располагались со стороны коридора. Вот я их и не видела.

Глава 5

Гром среди ясного неба

Когда Катерина проснулась, на часах было восемь. Накинув халат, она вышла в гостиную. Сквозь большое чистое стекло в комнату светило веселое летнее солнце. Герман стоял у окна и завязывал галстук.

– Я заказал завтрак в номер.

– Очень хорошо. – Катерина села за стол. – Не хочется идти в ресторан.

– Знаешь, я уже привык жить в гостинице. Не так это плохо.

– А мне надоело.

– Я говорил тебе, что подписал договор?

– Архитектор мне позвонил. Работы начались три дня назад.

Трубников затянул узел галстука, прошел к столу и сел напротив жены.

– Не слишком их торопи.

Качнув головой, Катерина заметила:

– Думаю, месяца три мы еще здесь проживем. – Она улыбнулась. – К твоему вящему удовольствию.

В дверь постучали.

– Войдите! – Крикнул Герман Андреевич.

В номер вкатилась тележка, за ней вошел официант в белом кителе. Он ловко сервировал завтрак. Трубников взял пиджак, достал портмоне и сунул ему сотенную. Официант вышел из номера, прикрыв за собой дверь до щелчка.

– Ну что! – Герман Андреевич потер руки. – Вкусим дары гостиничной кухни?

Вкусить дары им помешал телефонный звонок. Катерина сняла трубку.

– Слушаю.

– Это Олег Исаев, прораб.

– Здравствуйте.

– Вам нужно приехать.

– После завтрака я как раз собиралась...

– Нет, вы не поняли, вам нужно приехать немедленно!

Из трубки вдруг послышался другой, незнакомый голос:

– Говорит следователь Кирпичников. Жду вас в вашей квартире. Немедленно приезжайте.

– Что случилось?

– Приедете – расскажу.

Прислушавшись, Герман спросил:

– Что там? Кто это?

– Следователь... – Катерина растерянно протянула ему трубку.

Когда он произнес: «Слушаю!» – в ответ раздалась только гудки.

Трубников спросил:

– Что он сказал?

– Надо приехать.

– Куда?

– На квартиру.

– На Мясницкую?

– Куда же еще...

Герман потянул себя за нос, однако, перехватив взгляд жены, опустил руку и нервно спросил:

- Зачем? Не сказал?
- Думаю, тебе нужно поехать со мной.
- Прости, не могу. У меня назначена встреча.
- Пожалуйста...
- Ну хорошо.

Герман позвонил секретарше и велел отменить встречу. Закончив разговор, несколько секунд постоял, как будто что-то припоминая, потом быстро спросил:

- Едем?
- Пока буду одеваться, у тебя есть время позавтракать. – Катерина ушла в спальню.
- А ты?! – Крикнул ей Трубников и, не дождавшись ответа, взял в руки кофейник. Склонившись над столом, одной рукой придержал галстук, другой налил себе кофе.

Когда через пятнадцать минут они спустились к машине, Трубников сел впереди.

- На Мясницкую. В офис не едем, – сказал он водителю.

Тот плавно тронул машину.

- Быстрее, – нервно распорядился Герман Андреевич.

Машина рванулась и помчала их навстречу неизвестной проблеме.

* * *

В своей квартире они увидели незнакомых мужчин, один из которых был в полицейской форме.

- Как вы сюда попали? – спросил Трубников.
- Кто вы? – осведомился толстяк в штатском. Его лицо лоснилось от пота, круглые, водянистые глаза не выражали ни малейшего интереса.
- Я – хозяин этой квартиры. – В голосе Германа прозвучал скрытый вызов. – Трубников Герман Андреевич. Вы кто?

Переваливаясь с боку на бок, толстяк подошел к нему с раскрытыми корочками.

- Кирпичников Николай Александрович, следователь по особо важным... – после чего он сунул свою визитную карточку.

- Что здесь случилось? – Трубников на глазах побледнел.

- В комнату пройдемте.

Все, кто стоял в коридоре, переместились в комнату, где в нескольких местах был вскрыт старый паркет.

- Это зачем? – спросил Трубников, однако ему никто не ответил.

Кирпичников взглянул на Катерину и уточнил:

- Вы, как я понимаю, супруга?

Она подтвердила:

- Трубникова Катерина Ильинична.

- Это я просил Исаева связаться с вами, когда он пришел сюда утром.

- Где рабочие? – заволновалась она. – Почему не работают?

- В том-то и дело... – Кирпичников обмахнулся платком. – Кто-нибудь! Откройте окно! В этакой духоте сдохнуть недолго.

Трубников решительно прошел к окну, распахнул его и распорядился, обращаясь к Кирпичникову:

- Хватит валять дурака. Немедленно объяснитесь!
- Пожилой лейтенант полиции вежливо подсказал:
- Вчера днем здесь произошло тройное убийство.

– Что?..

– В квартире убили рабочих.

– Кто?

– Пока не известно. – Лейтенант покачал головой и представился: – Рябинин Яков Иванович, ваш участковый.

Трубников перевел взгляд на Кирпичникова. Тот прищурился и язвительно поинтересовался:

– Вы не знали?

– Откуда? Мне об этом не сообщали. – Герман Андреевич терпеть не мог язвительного тона и лукавых вопросов, особенно когда их задавали слуги закона.

– Давно купили квартиру? – следователь вытер платком потную шею.

– Это имеет отношение к делу? – парировал Трубников.

– Не вижу смысла игнорировать мой вопрос.

– Пару недель назад.

– Как ловко все получилось... – Кирпичников помотал головой. – Двух недель не прошло, и уже полным ходом ремонт.

– Не вижу в этом ничего криминального.

– Все было бы так, если бы мы не говорили с вами здесь и сейчас.

– Когда это случилось? – спросил Герман Андреевич.

– Убийство? Вчера днем.

– Где?

– Во второй комнате слева от входа.

– Кто их нашел?

– Я, – ответил Рябинин. – На вас поступил сигнал, нужно было проверить.

Трубников смерил его взглядом.

– Жили себе спокойно, так нет же. – Он посмотрел на жену.

Та отвела глаза.

Рябинин огорченно вздохнул.

– У старика, что живет над вами, сердечный приступ...

Все посмотрели на участкового с нескрываемым удивлением.

– При чем здесь старик? – поинтересовался Герман Андреевич.

– Он был со мной, когда мы обнаружили трупы.

– Так действовало?

– «Скорую» вызвали. Впечатлительный старичок ваш сосед.

– Подрядчику сообщили? Убитые люди работали на подрядчика?

– Прораб опознал всех. Правда, по фотографиям. Он объявился только сегодня утром. –

Кирпичников раскрыл папку и показал протокол с приколотыми к нему фотографиями.

Катерина поспешно отвернула лицо. Следователь со стуком захлопнул папку.

– Кстати, прораб сообщил, что рабочих на объекте должно было быть четверо.

– Куда делся четвертый? – спросил Трубников.

– Выясняем.

– Думаете, это он их...?

– Выясняем... – Уклончиво повторил Кирпичников.

– От нас с женой чего вы хотите?

– Во-первых, я обязан вас поставить в известность.

– Во-вторых?

– Во-вторых, задать пару вопросов. – Следователь забарабанил пальцами по корешку папки.

– Задавайте.

– Вы знали тех, кто вел здесь работы?
– Видел только архитектора, с которым подписывал договор.
– А вы? – следователь обратился к Катерине.
– Я, кроме архитектора, знаю прораба, – сказала она.
– Рабочих не видели? С ними не говорили?
– Нет, мы их не знаем, – за себя и за жену ответил Герман Андреевич. – Еще какие вопросы?

– Где вы были вчера с пятнадцати до пятнадцати двадцати?
– На этот вопрос очень легко ответить. Мы с женой ездили в магазин. Это может подтвердить мой водитель и служащий, который продавал нам ботинки. Осмелюсь переспросить: вы сказали с пятнадцати до пятнадцати двадцати?

Кирпичников вдруг смутился:

– Это я так, с запасом... Сосед сверху утверждает, что за несколько минут до прихода участкового в квартире велись работы. Во всяком случае, отсюда слышался шум. Через десять минут все трое были мертвы. Предварительное заключение подтверждает, что они умерли за десять минут до того, как их обнаружили.

– Значит, все произошло очень быстро?
– Слишком быстро... – в голосе Кирпичникова сквозила некая недосказанность.
– Смею надеяться, что нас с женой ваша профессиональная подозрительность не затронет.

– Мне придется проверить то, что вы рассказали.

Трубников сунул руку в карман и вытащил визитную карточку.

– Вот. – Он протянул ее следователю. – Адрес магазина, где мы покупали ботинки. Что касается водителя, он – в машине. Можете поговорить с ним сейчас.

– Спасибо. Я так и сделаю. С вами вынужден попрощаться.

– Мы свободны?

– Пока – да.

– Что значит – пока?

– Это значит, что нам еще придется увидаться. – Кирпичников сделал знак своим подчиненным и вместе с ними направился к выходу.

– Кстати! Как их убили? – запоздало спросил Трубников.

– Ждем результатов вскрытия. По крайней мере, у двоих есть следы от побоев.

Когда за полицейскими захлопнулась дверь, в комнату осторожно заглянул прораб Исаев.

– Ушли?

Катерина удивилась:

– Мы вас не заметили.

– У меня эта история уже вот где. – Он ткнул двумя растопыренными пальцами себе в горло.

Герман вышел из комнаты. Было слышно, что он последовательно обходит квартиру.

– Правда, что рабочих было четверо? – спросила Катерина.

Прораб кивнул.

– Вчера работала бригада из четырех человек.

– Может быть, это несчастный случай? – Она подняла глаза, подбирая смертельную версию. – Например, удар током?

– Весь электроинструмент был отключен.

– Вы приходили сюда вчера?

– Нет. Только днем раньше. Все четверо вскрывали полы.

В комнату вернулся Трубников. Услышав последнее утверждение, он едко поинтересовался:

- Одновременно во всех комнатах?
- Зачем? Сначала в одной, потом в другой. И только потом в остальных.
- Я только что обошел всю квартиру. В двух комнатах полы сняты полностью, в остальных – выборочно.
- Что значит – выборочно? – спросила Катерина.
- В двух-трех местах.
- И так везде? – она вышла в коридор и поочередно заглянула в каждую комнату. Возвратившись, сказала: – Первое, что приходит в голову: здесь что-то искали.
- Не одной тебе пришла эта мысль, – Герман Андреевич вскинул руку и выразительно посмотрел на часы. – Мне нужно идти. – Он перевел взгляд на жену: – Ты со мной?
- Да, – ответила Катерина.
- Когда можно будет продолжить работы? – спросил Исаев.
- Я вам позвоню, – пообещала она.
- Все вышли на площадку, где их поджидала Инна Михайловна, соседка из десятой квартиры.
- Здравствуйте, слышала, у вас случилось несчастье?
- Погибли рабочие, – вполголоса сообщила Катерина и покосилась на мужа.
- Ко мне не зайдете? – с надеждой в голосе поинтересовалась старуха.
- Простите, Инна Михайловна. Сейчас не могу.
- Трубников, Катерина и прораб спустились во двор, где, попрощавшись, разошлись по машинам.
- На этот раз Герман Андреевич сел рядом с женой, из чего она поняла, что им предстоит разговор.
- Тебя завезти в гостиницу?
- Да, мне что-то не по себе.
- Трубников распорядился, обращаясь к водителю:
- Сначала в гостиницу, а потом в офис.
- Катерина хорошо знала мужа, у него был ровный, спокойный характер, но иногда эта ровность казалась ей безразличием. Его не интересовали ее увлечения, ей были неинтересны его. Их миры существовали в параллельных пространствах, никак не соприкасаясь. Они были партнерами в любви, быту и общественной жизни.
- Думаю, нам лучше разорвать контракт и побыстрее продать эту квартиру, – сказал Герман.
- У Катерины запершило в горле. Закашлявшись, она не ответила.
- Я не стану жить там после того, что случилось. – Взглянув на жену, он добавил. – Впрочем, ты, как здравомыслящий человек, все сама понимаешь.
- Она отрицательно покачала головой, и Трубников отвернулся.
- Ну, знаешь...
- У гостиничного подъезда Катерина вышла из машины, поднялась в номер, рухнула в постель и сразу заснула. Такое случалось, когда ей было особенно плохо.

Глава 6

Гадина

В глубокий сон ворвалось нечто, что имело размеренный ритм, звучало напористо, точно выдерживая паузы и возобновляя тревожащий звук.

Катерина открыла глаза и стала смотреть в потолок. В комнате было темно. Взглянула на часы. Два часа ночи. Значит, проспала весь день и весь вечер. Спала бы дольше, если бы не разбудил телефонный звонок.

Германа в спальне не было. Она встала с постели, вышла в гостиную. В голову пришла ужасная мысль: а вдруг с ним что-то случилось? Катерина схватилась за трубку.

– Да!

Плаксивый женский голос спросил:

– Кто это?

– Трубникова.

– Катерина?

– Вы кто? – напористо поинтересовалась она.

– Люсьена Сапега.

На мгновение замолчав, Катерина осведомилась:

– Что-нибудь случилось?

– Почему вы спросили?

– Сейчас два часа ночи...

– Ах, да... Но мне хочется булочек.

На этот раз пауза затянулась. Катерина не знала, как реагировать.

– Паша задерживается. А мой водитель не берет трубку, – снова заговорила Сапега.

– Та-а-а-ак...

– Мне хочется булочек.

– И что?

– Вы мне их привезете?

– Булочки?

– Да.

– В два часа ночи?

– Недалеко от Белорусского вокзала есть круглосуточная французская булочная.

Катерина зажала трубку, дотянулась до мобильного и набрала мужу, его телефон был недоступен.

– Ну так что? – обидчиво спросила Сапега.

– Простите, Люсьена, я еще не проснулась... Сейчас соображу.

Она сказала неправду, решая в этот момент задачу: как, не утратив достоинства, угодить бестактному человеку, от которого зависела служебная карьера ее мужа. Наконец Катерина задала нужный вопрос:

– Куда везти булочки?

– Деревня Жуковка, дом 145. Булочки с сахаром и орехами. Пяти штук мне вполне хватит.

– Где, говорите, находится булочная?

– Я же сказала: у Белорусского! Что за дурацкая манера по десять раз переспрашивать! – Сапега бросила трубку.

Натягивая одежду, Катерина еще раз попыталась дозвониться до Германа. Потом набрала номер ресепшен и попросила вызвать такси.

Портье перезвонил через десять минут, сообщив, что машина подъехала. Катерина оглядела себя в зеркало и, решив, что слишком легко оделась, прихватила кофту.

Усевшись в такси, спросила у водителя:

– Знаете французскую булочную около Белорусского вокзала?

Тот обернулся, и она поняла, что могла бы не спрашивать.

– Лучше вы показывайте, куда ехат, – сказал он с акцентом.

– Поезжайте к вокзалу. Будем искать.

Они колесили вокруг площади Тверская Заставы около получаса. В конце концов с помощью Интернета и телефона выяснили, что французская булочная располагалась в другой части Пресни на Зоологической улице.

Катерина купила булок с запасом, не зная, чего ожидать от дурковатой Люсьены. Вернувшись в машину, сказала:

– Теперь на Рублевку. В деревню Жуковка.

Она достала из сумки свой телефон и в третий раз набрала мужу. На этот раз он ответил.

– Не спится? – По разноголосому гулу было ясно, что он в многолюдной компании. – Прости, что не позвонил, я в ресторане.

– Балашов тоже там?

– Да, и он, и Картавин.

– Тут такое дело: в два часа ночи мне позвонила Люсьена.

– Зачем? – озадаченно поинтересовался Герман Андреевич.

– Просила привезти булок.

– Почему тебя и почему в два часа ночи?

Катерина передразнила Сапегу:

– Паша задержался. Водитель не взял трубку.

– Дрянь...

– Я должна была ей это сказать?

– Неужели повезешь эти треклятые булки?

– Уже везу. Я же обещала тебе. Как можно отказать близкой подруге?

– Гусь свинье не товарищ, – немного смягчившись, заметил Трубников и добавил: – Учти, что свинья – это не ты.

– Выпил, что ли? – удивилась она.

– Немного. И вот что хочу сказать. По-хорошему, следовало бы ее послать... за этими самыми булками! Представляю, чего тебе это стоило.

– Ничего. Вызвала такси и поехала.

– Спасибо. – Он усмехнулся. – Завтра бедолагу уволят.

– Какого бедолагу?

– Водителя Сапегу. У нее ни один шофер не держится больше недели.

– Неудивительно. Мы видели ее в ресторане.

– Ну хорошо. Если будет хамить, смело посылай. Как-нибудь переживем. Вернусь часов в пять.

– Я вернусь не раньше тебя.

– Значит, под утро увидимся. Будь осторожна.

Катерина отключилась. Во время разговора ей пришла здравая мысль: теперь Герман у нее в должниках, и есть шанс отстоять квартиру на Мясницкой. Конечно, в глубине души у нее было чувство вины, то ли из-за того, что сделала неправильный выбор, то ли потому, что не хотела в этом признаться. Ей не нравилась эта история, но Катерина не хотела уступать своему мужу. Она успокоилась мыслью, что во многих квартирах убивают людей, просто не все об этом знают, когда ее покупают.

Водитель спросил:

– Какой нужен улица?

– Есть только номер дома: сто сорок пять.

Автомобиль свернул с шоссе на деревенскую площадь, освещенную витринами фирменных магазинов. У ресторана «Царская охота» стояли дорогие машины. Рослые водители прохаживались вдоль тротуара, общаясь друг с другом.

Таксист взял левее и объехал здание ресторана. С заднего фасада он выглядел хуже: неказистая изгородь и пыльные окна подсобок. Еще один поворот – и начались «лежачие полицейские». Сбавив скорость, водитель аккуратно преодолевал их один за другим.

После недолгих поисков они нашли владение под номером сто сорок пять – деревенский квартал, отгороженный от мира пятиметровым забором из камня. Машина подъехала к воротам, к ним вышел охранник.

Катерина опустила стекло.

– К Люсьене Степановне. Она меня ждет.

– Подождите, – охранник ушел и долго не возвращался.

– Уснуль, что ли? – проворчал водитель такси.

Наконец ворота открылись, и они въехали на территорию усадьбы. Катерина вышла из машины и направилась к дому. На крыльце ее поджидала девушка в форменном платье.

– Булочки принесли?

– А где Люсьена Степановна?

– Спит.

– Как – спит? – Катерина была готова лопнуть от злости.

– Да вы не расстраивайтесь, – девушка говорила с сочувствием. – Утром она их увидит.

– Нет, – Катерина спрятала за спину пакет с булками. – Она сама мне позвонила, я привезла булки и должна их отдать.

– Вы не понимаете, – прошептала служанка. – Я не имею права ее будить...

Откуда-то сверху раздался голос:

– Впусти ее в дом.

Подняв голову, Катерина успела заметить, как закрылась створка окна.

– Проходите, – девушка отошла, уступая дорогу.

Катерина ждала в прихожей минут десять, пока на лестнице появилась Сапега. Спустившись, она протянула руку:

– Где мои булки?

Катерина отдала ей пакет, причем сделала это молча, опасаясь, что, начав говорить, уже не сможет себя сдерживать.

– Денег не предлагаю, – обыденно сказала Сапега. – Знаю, сколько мой муж платит Трубникову. Так что спасибо.

Формальные слова благодарности разрядили напряженную обстановку, но Катерина продолжала молчать.

– Вы оба мои должники. – Люсьена достала булку и вгрызлась в нее зубами.

– Кто? – спросила Катерина.

– Вы и ваш муж. Если бы не я, вам бы не видать этой квартиры.

Катерина осторожно поинтересовалась:

– Почему?

– Это я включила ее в перечень.

– Павел Петрович сказал, что список подготовили в хоздепартаменте.

– Будем считать, что я им помогала. Кстати, в самой большой комнате с окнами во двор советую сделать спальню. – Сапега достала из пакета еще одну булку. – Я – человек благодарный, мы с вами будем дружить. Бескорыстная дружба теперь редкость. Всем нужны только

деньги. Дай, дай, дай... – Она откусила кусок и резюмировала: – Можно подумать, у нас с Пашей в подвале стоит печатный станок и мы их печатаем.

– Я поеду домой, – Катерина достала телефон, чтобы посмотреть, сколько времени. – Уже половина пятого.

Поднимаясь по лестнице, Люсьена сказала:

– С этого момента переходим на ты. Теперь мы подруги. Напомни завтра, чтобы я уволила того урода.

– Кого именно?

– Водителя. Дам ему «волчий билет».

– В каком смысле?

– Прослежу, чтобы мерзавец не нашел хорошей работы.

Выйдя из дома, Катерина села в машину и с силой хлопнула дверцей.

На чем еще она могла выместить злость?..

Глава 7

Жизнь продолжается

В пять утра, когда Катерина вернулась из Жуковки, Германа еще не было. Он приехал в начале девятого изрядно подвыпившим, каким она его давненько не видела.

– Не спишь? – спросил он, увидев ее в гостиной. – Почему?

– Нужно поговорить.

– Давай лучше вечером.

Катерина решила быть твердой и категорично заявила:

– Лучше сейчас.

Трубников развязал галстук и небрежно сунул его в карман.

– Ну, давай. – Он сел на диван, взял дистанционку и включил телевизор. В комнату ворвался шум утренних новостей.

– Выключи, – тихо попросила она.

Герман почувствовал в ее голосе напряженность и выполнил просьбу.

– Будешь спрашивать, где я был?

– Нет.

– Тогда что?

– Я говорила с Люсьеной...

– Да, кстати... Ты отвезла булки?

– Отвезла.

– И что она?

– Съела. Теперь хочет дружить, – мрачно сообщила Катерина. – Только я не об этом...

– Ну, давай наконец. Что там стряслось?

– Квартиру на Мясницкой в список включила Сапега.

– Нисколько не удивлен, эта дуреха повсюду сует свой нос.

– Мне показалось странным: почему именно эту, а не другую?

– Переадресую тебе тот же вопрос: почему эта, а не другая?

Катерина свела брови и уткнулась взглядом в ковер. Ей хотелось участия, спокойного, дружеского разговора без взаимных упреков. Кому еще она могла высказать сомнения и тревоги?

– Катя, ей-богу, мозги закипают!

– Сапега знает нашу квартиру... И это не просто странно, а подозрительно. Она в ней бывала.

– И что? Скажи, что мне сделать, и я сделаю.

– Ничего не надо. – Катерина встала и направилась в спальню.

– Ты ведешь себя, как ребенок!

– Просто хочу спать. – Выглянув из спальни, она сдержанно проронила: – Я продолжаю ремонт.

* * *

Через несколько часов, явившись в свою квартиру, Катерина стояла у опечатанной двери. Глядя на размазанные чернила печати, она едва сдерживала себя, чтобы не сорвать пломбу. Между тем сюда с минуты на минуту должен был прийти архитектор, чтобы показать ей проект.

Внизу хлопнула дверь, и зазвучали шаги. На лестничной площадке появился участковый Рябинин.

Катерина выступила вперед и, протянув руку в указующем жесте, гневно спросила:
– Зачем это?

Ни слова не говоря, участковый шагнул к двери и сорвал с нее пломбу.

– Могу зайти? – спросила она.

– Можете.

– И вас не накажут?

– Нет. За этим я и пришел. Мне позвонил следователь и уполномочил распечатать вашу квартиру... – Яков Иванович показал пальцем наверх. – Начальство распорядилось. Можете продолжать свой ремонт.

– Точно? – недоверчиво спросила она.

– Точнее не бывает.

Катерина была уверена: в этом поучаствовал Трубников. Скорее всего, ему пришлось подключить Балашова. В любом случае ее вполне устраивал результат, а значит, муж был прощен.

Она отомкнула дверь и спросила:

– Зайдете?

– А я вам нужен? – похоже, участковый не собирался задерживаться.

– Честно сказать, одной здесь жутковато. Сами понимаете, после того, что случилось...

– Как же вы собираетесь жить в этой квартире? – ухмыльнулся Рябинин, снял фуражку и перешагнул через порог.

Катерина прошла в прихожую и вдруг испуганно замерла.

– Слышите? – шепотом спросила она.

– Что? – Яков Иванович встревоженно повертел головой.

– Неужели не слышите? Там кто-то воет. – Катерина протянула руку в сторону кухни.

– Да что вы, в самом деле... – участковый потопал в конец коридора.

Она побежала следом.

В кухне и вправду стоял жуткий вой. Рябинин прикрыл форточку, оглядел стены и остановил взгляд на зияющей вентиляционной решетке, возле которой реял клочок паутины.

– Это – воздуховод. Поговорите с прорабом, он все исправит. Я вам еще нужен?

Безотчетно пытаясь его удержать, Катерина спросила:

– Как идет следствие?

– Не знаю.

– Не интересуетесь?

– Я в нем не участвую.

– Вам наверняка что-то известно.

– Практически ничего.

– И все-таки?

Рябинин махнул рукой и проницательно взглянул ей в глаза:

– Вам нужно продать эту квартиру. Вы здесь не сможете жить.

– И все-таки? – повторила она.

– Ну, если так интересно, сегодня я говорил с женой Иванова.

– Кто такой Иванов?

– Четвертый рабочий, которого не нашли.

– Он жив?

– Брата хоронит. В роуминге отключил телефон, поэтому до него никто не смог дозвониться. Жена сообщила Иванову по телефону о смерти брата около трех, точнее – в четырнадцать пятьдесят, когда он был здесь и работал вместе с другими. Иванов помчался домой, потом в аэропорт, оттуда улетел на самолете в Уфу. В любом случае его будут проверять. Неизвестно еще, чем это закончится. Может быть, его жена покрывает.

– Вы уже сообщили об этом Кирпичникову?
– Кажется, он не слишком обрадовался.
– А почему Кирпичников сам его не искал?
– Как не искал? Искал... По адресу выезжали оперативники, но жена Иванова тоже была в Уфе. Вернулась только сегодня.

– Что говорит сам Иванов?
– Когда он уходил из вашей квартиры, все были живы. Посторонних там не было.
Помолчав, Катерина спросила:
– В которой комнате их нашли?
– Я уже говорил вашему мужу. – Рябинин вышел из кухни, двинулся по коридору и остановился у распахнутой двери. – Здесь. Где они лежали, показывать вам не стану. Теперь мне нужно идти.

Не доходя до двери, она замерла и, словно хватаясь за последнюю возможность не остаться одной, снова спросила:

– Как чувствует себя сосед сверху?
– Как раз хочу его навестить. – Рябинин направился к выходу.
В это время в дверях появился Тищенко.
– Здесь было открыто.
– Это наш архитектор, – сказала Катерина, повеселев.
– Теперь я точно могу идти, – Яков Иванович надел фуражку.

Тищенко подал руку:

– Виктор.

Участковый ответил рукопожатием и тоже представился:

– Участковый Рябинин. – После чего простился и вышел.

Тищенко нерешительно потоптался, потом спросил:

– У нас с вами ничего не меняется?
– В смысле ремонта? – Катерина уверенно подтвердила: – Все остается в силе.
– В таком случае готов показать эскизы.

Она огляделась.

– Идемте к окну.

Тищенко направился в комнату, где в прошлый раз они обсуждали проект.

– Только не туда! – Катерина остановила его. Потом добавила: – Там вскрыты полы.

– Понял, – сказал Виктор. – Их нашли в этой комнате?

Она кивнула.

– Идемте лучше на кухню.

Выбрав из трех кухонных окон одно, Тищенко поставил на подоконник свой ноутбук.

– Как думаете, для чего они начали вскрывать полы одновременно во всех комнатах?

– Не знаю. Хотите, могу спросить у прораба.

– Спрашивала. Он тоже не знает.

– Если пофантазировать на криминальную тему, можно предположить, что в остальных комнатах полы вскрывали убийцы.

– Об этом я не подумала.

– Знаете, – Виктор включил ноутбук, – в моей практике был один случай, когда при вскрытии полов в старинном особняке рабочие нашли коробку с золотыми червонцами. Стали делить и чуть не перебили друг друга. Золото оказалось дороже человеческих жизней.

– Думаю, здесь что-то другое.

– Или вот еще случай, – вспомнил Тищенко. – В одну квартиру во время ремонта вломились грабители и выдрали из бетонной стены сейф, о котором знал только хозяин.

– Значит, не он один, – заметила Катерина.

– Строго говоря, я с вами согласен... – резко оборвав фразу, архитектор вдруг замолчал, потом с испугом спросил: – Вы слышали? Что это?

Насторожившись сначала, потом она сообразила:

– Это воздуховод.

– Боже мой... Даже не предполагал, что воздушный поток способен издавать такие страшные звуки.

– Надеюсь, это прекратится после ремонта.

– Нужно сказать прорабу. – Виктор открыл несколько файлов и между делом спросил: – Видели мои работы?

– Нет.

– Тогда кто вам посоветовал обратиться ко мне?

– Люсьена Сапега. Ее муж дал вашу визитку.

По тому, как ожесточенно замолчал архитектор, Катерина сообразила, что зря упомянула Сапегу.

– Да-а-а-а... – протянул Тищенко. – Вам известно, что она так и не рассчиталась со мной?

– Нет. – Катерина опустила глаза, как будто в этом была и ее вина. Во всяком случае, теперь стало ясно: в знакомстве и тем более в дружбе с Люсьеной лучше не признаваться. Справедливости ради она спросила: – Вы нарушили договор?

У Виктора от возмущения покраснело лицо.

– Нет!

– Сроки не выдержали?

– Закончили день в день.

– Что ж вы не подстраховались? Взяли бы хоть аванс.

– С вас возьму.

– Я не возражаю.

– Знаете, есть такая закономерность: чем богаче заказчик, тем сложнее расчет.

– Мы с мужем не настолько богаты, – успокоила его Катерина.

– Про эту парочку, про Балашова и Сапегу, рассказывают страшные вещи. – Тищенко уселся на подоконник. – Главным образом про Люсьену. Она вообще никому не платит. Тот, кто их знает, держится от этой семейки подальше. Представьте такую ситуацию: Люсьена звонит в известную фирму ландшафтного дизайна и просит приехать к ней в Жуковку. Договариваются на определенный день на семнадцать часов. В день, когда назначена встреча, она перезванивает и требует приехать на два часа раньше.

– Надеюсь, ее послали?

– Как раз – нет. Сломая голову поехали со всеми своими лопатами, лейками, саженцами и рассадой. Сделали все, что нужно...

– А денег не получили, – догадалась Катерина. – И чем она объяснила?

– Тем, что опоздали.

– Ясно... Приехали не в три часа, а в две минуты четвертого.

– И вот еще что, – Тищенко доверительно снизил голос. – У нее есть рабы. И об этом все знают.

– Да бросьте! – На лице Катерины расплзлась недоверчивая улыбка.

– Она мне не верит! – Виктор воздел руки и обескураженно уставился в потолок.

– Серьезно?

– По крайней мере, пара «Джамшутов» в ее усадьбе точно батрачат бесплатно. Она просто забрала у них паспорта. Я-то знаю, два месяца провел в ее доме. Да что там говорить, мусорщикам, и тем не хочет платить.

Катерина развернула к себе ноутбук.

– Давайте ваши эскизы.

Посмотрев интерьеры Тищенко, она ограничилась несколькими замечаниями и предложила поскорее закончить. Проводив архитектора и заперев за ним дверь, Катерина вернулась на кухню. Вентиляционная труба снова завывала. Спасаясь от этого воя, она решила немедленно поехать в гостиницу, но, выйдя на лестничную площадку, передумала и постучалась в десятую квартиру к соседке.

Зашаркали мягкие шажки, невидимая рука повернула задвижку, дверь распахнулась, и на пороге появилась Инна Михайловна. Она отвела Катерину в гостиную и посадила на большой старинный диван. Чай и прочее угощение привезла на сервировочном столике. И, как только села в кресло напротив, тут же спросила:

– Скажите, Катенька, уже известно, кто их убил?

Катерина взяла конфетку, но есть не стала, положила возле блюда и, сделав деликатный глоток чаю, ответила:

– Нет, пока никого не нашли.

Инна Михайловна покачала головой и вытерла рукой слезящийся глаз.

– Тополиный пух для меня – сущее наказание.

– Теперь в аптеках продают много антигистаминных препаратов третьего поколения...

– Одно лечим, другое калечим, – вздохнула старуха и заинтересованно взглянула на Катерину. – Вы очень профессионально это сказали.

Та улыбнулась.

– Десять лет работы провизором дают о себе знать.

– Хорошо, что вы к нам приехали, будет, с кем посоветоваться. Надеюсь, после того, что случилось, вы не продадите эту квартиру?

Помедлив с ответом, Катерина словно взяла время подумать. И все же, спустя мгновение, твердо сказала:

– Нет, мы не собираемся ее продавать. Кстати, сегодня ко мне заходил участковый.

– Серьезный мужчина. – Заметила Инна Михайловна. – Мне он сразу понравился. С первого взгляда.

– Рабочих в квартире было не трое, а четверо. Один ушел раньше, поэтому остался в живых.

– Я видела, как он уходил.

Катерина вскинула глаза на старуху.

– Да-да, – подтвердила Инна Михайловна. – Мы с соседкой стояли у подъезда, разговаривали... Она рассказывала про то, как нас, пенсионеров, обманывают с пенсиями. Как раз в этот момент из подъезда вышел рабочий и побежал в сторону арки.

– У него брат умер в Уфе. Он в тот же день улетел. Что было потом?

– Минут через пять наш участковый Яков Иванович Рябинин пришел к Зоткину.

– К старику с третьего этажа?

– Да. – Словно припоминая, Инна Михайловна прикинула палец к носу. – Еще через пятнадцать минут приехала «Скорая» и следом – полиция.

– Та-а-ак... – Катерина стала ее расспрашивать. – И долго вы стояли у подъезда?

– Часа полтора.

– Кто-нибудь еще за это время выходил или входил?

– Нет, никого. Я так и сказала следователю: только рабочий из десятой квартиры и наш участковый Рябинин.

– Странно... Тогда откуда взялся и куда делся убийца?

Инна Михайловна пожала плечами.

– Следователь, не помню его фамилии...

– Кирпичников, – подсказала Катерина.

– Да, полный такой мужчина, расспрашивал меня о тех, кто проживает в нашем подъезде. Я ему сказала: летом все проживают на дачах.

– Странная история...

– Не знаешь, как объяснить, – задумчиво проронила старуха.

– А у нас во всех комнатах дыры в полах...

– Может, чего искали?

– Ну, предположим, искали. Предположим, нашли. Но куда дели находку? А главное, куда делись сами?

Инна Михайловна торжествующе потрясла в воздухе указательным пальцем:

– В конце коридора был черный ход!

– Теперь там кладовка.

– Идемте! – приказала старуха.

Катерине не хотелось идти в темную пустую квартиру, она вернулась туда вместе с Инной Михайловной. Они прошли в конец коридора, включили в кладовке свет и тщательно обследовали ее заднюю стенку.

– Нет, ничего. Замуровали, – разочарованно сказала старуха, при этом она быстро оглянулась назад и с опаской посмотрела в темноту коридора. – Что-то мне не по себе... – и потом снова продолжила: – Раньше вместо кладовки здесь была дверь, которая выходила на узкую металлическую лестницу.

– Куда вела эта лестница? – спросила Катерина.

– В соседний двор. Сначала наши дворы сообщались, и можно было выйти на параллельную улицу. После войны проход заложили.

Они побрели назад, к выходу.

– В какой комнате их убили? – шепотом спросила Инна Михайловна.

– В этой, – Катерина указала на дверь.

– Здесь жила дочь профессора Белоцерковского Нина Леонтьевна.

– Почему вы вдруг об этом заговорили?

– Не знаю. Просто вспомнилось.

Катерина остановилась и глухо проговорила:

– Думаю, что не просто.

Потупившись, старуха предположила:

– Может быть, она что-то спрятала?

– Вы говорили, что Нина Леонтьевна была замужем.

– Ее муж, Владимир Сергеевич Ротенберг служил зубным техником. Никогда не забуду ту ночь, когда за ним пришли.

– Зачем?

– Чтобы арестовать...

Глава 8

Инна Михайловна рассказывает

Как я уже вам говорила, в первой комнате слева от входа проживал известный кардиолог, профессор Леонтий Яковлевич Белоцерковский с женой Серафимой Васильевной. У них была еще одна, смежная, комната без выхода в коридор. Серафима Васильевна никогда не работала, занималась мужем и воспитанием дочери.

К тому времени, а это было после войны, их дочь Нина Леонтьевна уже окончила институт и вышла замуж за Владимира Сергеевича Ротенберга, служившего зубным техником. Он был чистокровным евреем – и внешне, и по складу характера. Невысокий, крепкий, кареглазый, с курчавой копной черных волос и, несмотря на молодость, большими залысинами.

Леонтий Яковлевич выхлопотал для молодых супругов отдельную комнату рядом со своими двумя. Скромные доходы Ротенбергов ничем не отличали их от других. На общей кухне, как на витрине, всегда видно, кто из каких продуктов готовит. Так вот, их питание было зачастую скуднее, чем у других.

Владимир Сергеевич ходил в одном и том же диагональном костюме, который купил к свадьбе за полторы тысячи рублей на Тишинке. Имел одни ботинки, оставшиеся от погибшего на войне брата, зимнее пальто, побитое молью, и порыжевшую цигейковую шапку со смешным названием «пирожок». Все предметы его гардероба сохраняли приличный вид благодаря стараниям тещи Серафимы Васильевны.

От других мужчин, проживавших в нашей квартире, Владимир Сергеевич Ротенберг отличался лишь тем, что брился два раза в день: утром и вечером. Однако, несмотря на это, щетина на его щеках появлялась сразу, как только он выходил из ванной.

Нужно заметить, в нашей квартире существовал определенный порядок, кодекс поведения, который позволял всем жителям на равных основаниях пользоваться коммунальными благами. Стандартные правила были заведены на все случаи жизни.

Если кто-то собирался помыться, он вешал на дверь ванной уведомление: «Белоцерковские с 17 до 19». Или: «Еремины с 19 до 21». Это значило, что первой будет мыться семья Белоцерковских, после них – семейство Ереминых. Соседи неукоснительно придерживались установленной очереди. В ванной, так же, как и на кухне, стояла плита с газовыми конфорками, на ней грели ведра с водой. Так и мылись.

Утром, чтобы умыться, туда выстраивалась живая очередь. Пользовались так же раковиной на кухне и той, что была в коридоре. В туалет попасть было практически невозможно. Именно поэтому в каждой комнате водились горшки или, как их еще называли, ночные вазы.

Наша семья в ванной не мылась. По воскресеньям мы с мамой ходили в баню. Один из таких дней я отчетливо помню. Было ясное морозное утро. Мама обвязала меня поверх пальтишка пуховой шалью, взяла узелок, и мы пешком отправились в баню, которая находилась у ресторана «Метрополь».

Падали снежинки, и я с замиранием сердца ждала приключения, которое продлится до самого вечера, когда мы с мамой вернемся домой чистые, сытые и уставшие. Мимо нас со звоном проносились трамваи, подскакивая, громыхали грузовики. Огромная площадь у Большого театра была завалена снегом. Дворники сгребали его и на волокушах свозили в сугробы.

Очередь в баню заканчивалась далеко за ее пределами, у соседнего дома. Когда через несколько часов ожидания мы с мамой зашли внутрь и уже стояли на лестнице, я потеряла сознание. В этом не было ничего удивительного – в такой духоте многие теряли сознание, а потом, достоявшись, как ни в чем не бывало шли и спокойненько мылись.

Когда мы наконец прорвались в раздевалку, мама оставила меня и ушла мыть лавки и шайки. Потом вернулась, мы вместе с ней отправились в помывочную.

Процесс мытья всегда проходил по одному и тому же сценарию. Мама намыливала меня, окатывала из шайки теплой водой, после чего мылась сама. А я сидела на лавке среди множества голых женщин и думала о том, как мало среди них таких же красивых, как мама. Мне не разрешалось ходить между лавок, я могла поскользнуться или, что еще хуже, подцепить какую-нибудь заразу. Поэтому я сидела на месте.

Потом мама закутывала меня в простынь и выносила в раздевалку. Одевшись, мы спускались вниз и купали моченые яблоки, которые съедали здесь же, у бочек, не выходя на мороз.

После бани мы шли обедать в ресторан «Метрополь». Заходили в высокий безлюдный зал, похожий на большую светлую церковь. Садись за стол. Мама заказывала официанту тарелку щей и просила еще одну пустую. Мы делили щи на двоих так же, как и второе: гречневую кашу с котлетой.

Это повторялось каждое воскресенье. Не думаю, что мама имела лишние деньги, потому что после войны отец еще несколько лет служил в Подольске. Однако в «Метрополе» мы с ней обедали каждое воскресенье. И, как мне кажется, никакая нужда не заставила бы ее отказать мне в этих обедах.

В тот день мы также пошли в «Метрополь». Очередь в бане была длинной, поэтому в ресторан мы попали позднее обычного. В красивом зале с цветными витражами заняли стол подальше от центра. Впрочем, мы всегда обедали за одним и тем же столом. Неподалеку от нас за колонной сидела хорошо одетая пара. К их столу проследовал официант с подносом, на котором стояли блюда «по коммерческим ценам». К моему удивлению, мама заговорила со мной о том, сколько стоит такое роскошество. А стоило оно баснословных денег. Желая посмотреть, что именно едят эти богатые люди, я нарочно, безо всякой нужды, пошла в туалет. А когда вернулась, радостно сообщила, что знаю того мужчину, который сидит к нам спиной.

Мама удивленно спросила:

– Кто же он?

На что я чистосердечно ответила:

– Владимир Сергеевич, муж Нины Леонтьевны. Только тетенька рядом с ним – чужая. И костюм у него другой, очень красивый.

Мама расстроилась и как можно быстрее увела меня прочь. Мне хотелось поздороваться с Владимиром Сергеевичем, но мама не разрешила.

По дороге домой она категорически запретила мне об этом рассказывать.

– Даже Нине Леонтьевне? – спросила я у нее.

– Особенно ей, – строго ответила мать.

Тогда же я своим детским умом поняла, что Владимир Сергеевич очень провинился перед женой. Но в чем? Этого я не знала. Больше всего на свете мне хотелось узнать, где он хранит свой красивый костюм.

Ответ на этот вопрос не заставил себя ждать. Вскоре мы узнали, чем обычно заканчивается красивая жизнь «по коммерческим ценам».

Однажды ночью в дверь нашей квартиры забарабанили сразу несколько кулаков. Это был звук, от которого кто угодно сошел бы с ума. Первым у двери оказался бывший царский генерал Михаил Георгиевич Еремин. Он полностью оделся за пару минут, решив, что это пришли за ним.

Было слышно, как Еремин спросил севшим от напряжения голосом:

– Кто?

– Немедленно открывайте!

Раздался щелчок, и в коридоре загрохотали сапоги нескольких человек. Мама подскочила с дивана и бросилась к двери. Белая Бабушка спросонья спросила:

– Que se passe-t il ici?²

– Ничего, Елена Викторовна, спите! – голос матери прозвучал излишне категорично. Так она могла говорить с Белой Бабушкой только в чрезвычайной ситуации.

Выглянув в коридор, мама тут же захлопнула дверь и прошептала чуть слышно:

– К Ротенбергам...

Что происходило в комнате Нины Леонтьевны и Владимира Сергеевича, никто из соседей не видел. Было слышно, как плакала в коридоре Серафима Васильевна, а профессор Белоцерковский ее успокаивал:

– Все обойдется, Фимочка. Они во всем разберутся и поймут – Володя здесь ни при чем.

– Это ужасное недоразумение... Ужасное... – повторяла она.

– Они во всем разберутся, – говорил Леонтий Яковлевич, но в его голосе не было ни капли уверенности.

Суматоха закончилась только под утро. В коридоре снова прогрехотали сапоги, и вдруг стало тихо. Все соседи вышли из комнат, не было только профессорской дочери и ее мужа. Вскоре Белоцерковские вывели Нину Леонтьевну из комнаты и забрали ее к себе.

Владимир Сергеевич Ротенберг был арестован.

Впоследствии все только и обсуждали этот арест. Нина Леонтьевна и Серафима Васильевна носили в Бутырскую тюрьму передачи, но их почему-то не брали. Профессор Белоцерковский ходил на Кузнецкий Мост в справочную МГБ³, чтобы узнать о судьбе зятя, но там ничего не сказали. Благодаря своим связям (Леонтию Яковлевичу приходилось лечить высокопоставленных людей из этого ведомства) ему удалось выяснить, что Ротенберг был связан с шумевшей в те времена преступной бандой «Черная кошка». Он переплавлял краденое золото и делал из него зубные коронки.

² Что здесь происходит? (*франц.*)

³ Министерство государственной безопасности СССР.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.